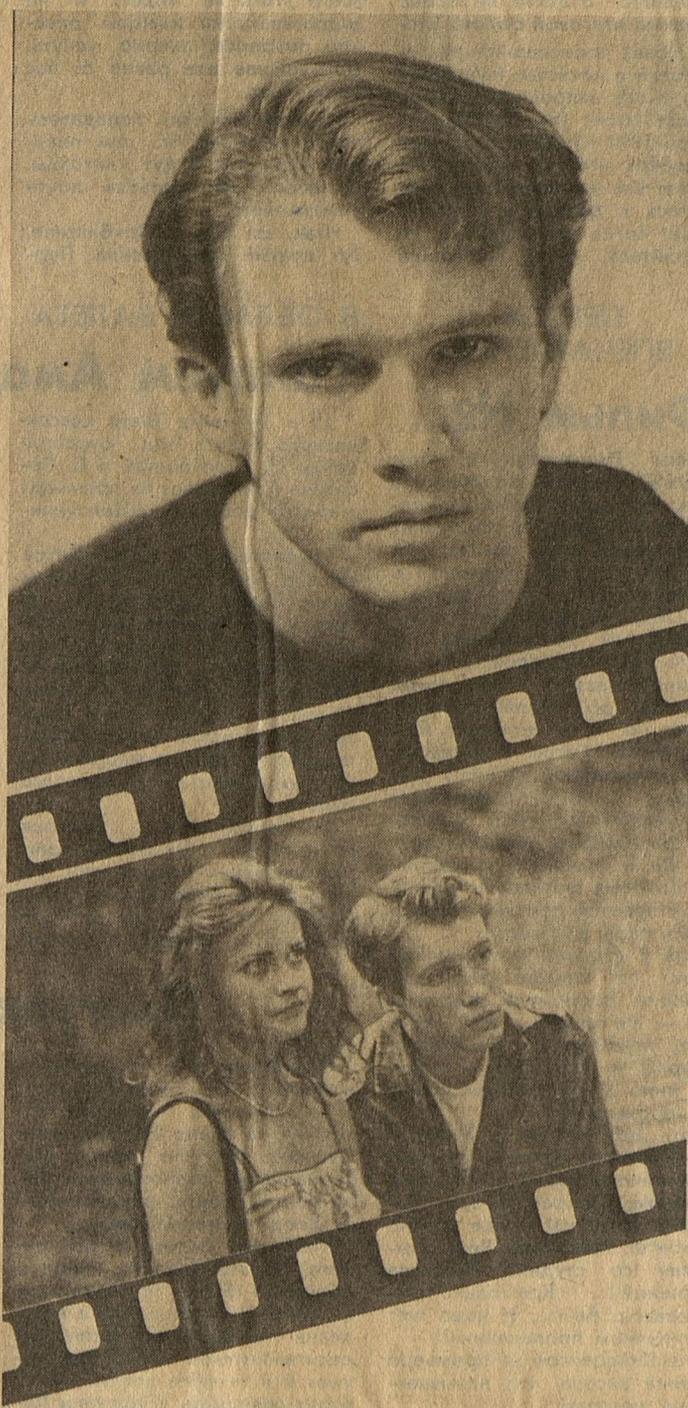

Миронов,
Евгений

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ *Культура. 1994. - Апрель. - С. 8.*

ЕВГЕНИЙ МИРОНОВ В ОБЩЕЖИТИИ ЖИЗНИ

У Жени Миронова сейчас трудные времена. Ему и прежде не жилось легко. Театр и кино, если они приносят успех, отнимают молодость. Нет привычного молодежного безделья, безоглядных тусовок до утра, сумасшедших поездок по другим городам и воскресного отдыха на приятельских дачах. Нельзя позволить себе частенько расслабиться, выпить лишнего, заболеть. Все работа, работа, работа... Встретишь, бывало Женю, хрупкого, тоненького, вечно куда-то спешащего, и с удивлением думаешь, как этот почти еще мальчик может совмещать Театр-студию О. П. Табакова, где он играет в репертуаре сразу несколько главных ролей, кино, которое не оставляет его без внимания ни на одну секунду, и дом, который тоже требует времени, так как симпатичная Женина семья — папа, мама, сестра живут все вместе в актерском общежитии.

Женя страстно хотел быть артистом, еще когда учился в Саратовском актерском училище, не говоря уже о Школе-студии МХАТа, куда его взял Олег Павлович. Но чтобы стать артистом по сути, а не по названию, нужно ставить перед собой сверхтрудные задачи, тем более что природа не наградила Женю выдающимися внешними данными: он не высок, не басист, не писанный красавец. Природой ему отпущены средний рост, симпатичное лицо, пластичность, музыкальность. Из них надо было путем изнурительной работы создать идеальный актерский инструмент, подчиненный в равной степени уму и сердцу. Иногда кажется, что он не выдержит нагрузки.

Женя в прошлом году сыграл в спектакле Володи Машкова «Бумбараш» главную роль, всю выстроенную на вокале, на движении. Спектакль стал шлягером прошлого театрального сезона и часто входит в месячный репертуар театра, не снимая с Жени обязанностей играть главную роль в «Обыкновенной истории», в «Звездном часе по местному времени» и других спектаклях. Ну что, кажется, особенно? Обычный театральный процесс для премьеры, желавшего в свои двадцать с небольшим испытывать перегрузки. Но Жене этого было мало, и он согласился на главную роль в «Орестее», которую в Москве начинал ставить выдающийся режиссер

Петер Штайн. По словам самого П. Штайна, Женя поразил его не только ранней актерской зрелостью, прекрасной техникой и мастерством, но какой-то особой ответственностью, совестью. Только соучастники постановки знают, какой это был адский труд. Штайн «нагружал» интеллектуально, каждая его репетиция приоткрывала возможность многое узнать по театру вообще и античному театру в частности, прикоснуться к целому пласту культуры, который мог бы быть и не известен никогда в жизни. Огромная работа на площадке фактически шла целыми днями. Женя меньше всего думал, что он войдет этой работой в историю мирового театра, напротив, судя по нашим телефонным переговорам в это время, он трезво понимал, что зрительский успех этот спектакль в нашей стране не ждет. К сожалению, уровень образования публики, которая и по школе-то не знает античной литературы и никогда ее не читает в зрелом возрасте, лишает надежды на адекватное восприятие. Самим театром зритель приучен к адаптациям античной драматургии, к режиссерским купюрам и упрощениям. Но Женя трудился, не зная усталости, если хотите, романтично, ради чего-то высшего, ради театральной идеи, ради искусства, про которое стали забывать, что оно требует жертв. В это время он отказывается от приглашений на заманчивые кинофильмы. Что движет им? Какие необыкновенные цели видятся ему? Конечно, он не лишен тщеславия. Но пусть терпит его, если для этого приходится каждый день в течение двух месяцев играть какую-нибудь главную роль то у себя в театре, то у Петера Штайна без единого выходного, без передышки. Причем, в одном спектакле он два с половиной часа непрерывно танцует, бегает, прыгает и поет, в другом почти четыре часа находится на сцене, работая со сложнейшим античным текстом, осваивая самую трудную, самую огромную сцену страны — сцену Театра армии.

Женя меня поразил в «Орестее». Как, думал я, этот мальчик заполняет собой не только все сценическое пространство, но и зрительный зал, сравнимый только со стадионом, как проникает он в сердце каждого сидящего, трогая каки-

ми-то эмоциями, на которых нет пыли веков, и в то же время соблюдает стиль спектакля, его одновременную обращенность к историческому тексту и к реалиям сегодняшнего дня? В антракте актриса Лиза Никищихина, выражая и мои переживания, сказала несколько экзальтированно, что оправдывалось впечатлением от игры Жени: «Над парнем светящийся столб, это что-то выше, чем обычная актерская игра». Приятно услышать это от такого профессионала, как Лиза. Тем более что задачи ставились немалые — прояснить текст, который для большинства темен и непонятен, отбросить все штампы с подвываниями, с которыми обычно исполняется античная трагедия, при этом сохранив приметы времени не только во внешней атрибутике поведения, но во внутреннем самоощущении актеров. Да и просто попробовать, прежде всего перед Штайном, не «упасть в грязь лицом». Мне игра Жени, Тани Догилевой, Екатерины Васильевой, Лены Майоровой, Людмилы Чурсиной, Игоря Костоловского принесла счастье. Это такое же великое и светлое ощущение, как от посещения Лувра первый раз в жизни. Утомительно, трудно, долго, но потрясающе.

У Жени Миронова настали трудные времена. Он обласкан критикой. Все его театральные работы и кинофильмы в фильмах: «Делай раз!» «Жена керосинщика», «Как живете, караси?», «Затерянный в Сибири», «Анкор, еще анкор!» и, конечно же, «Любовь» приносили ему поклонников из числа публики, профессионалов и критики. За один год он был признан лучшим актером на фестивалях «Кинотавр», «Созвездие», швейцарского фестиваля «Звезды на завтра», получил премии лучшего актера года от прессы и критики, от ряда журналов. Его фильмы объездили почти весь мир, а «Любовь» заслужила признание в самом Канне, получила там четыре престижные награды. И вдруг после «Орестей», такой выстраданной, такой сложной, обрушился град колких замечаний, да еще иногда и в хамском тоне, с упреками в киношности. Это Женя-то киношный? С его феноменальной театральной выучкой? Может быть, пишущие о театре в театре бывают редко и не видели его блестящих работ у Табакова? В это трудно поверить, имена пишущих уважаемы, но... Правда, иностранная критика не вторит нашей, в Германии уже спектакль описан и разрекламирован, о нем знают в мире как о новом большом достижении Штайна. Я читал копии, критические разборы, правда, ни один из них не написан специалистом по театру, знающим греческий язык и античный театр и традицию мировых постановок, иногда думаю: «Может быть, мы все были в разных театрах?» Пишу об этом не для того, чтобы успокоить Женю. Артиста трудно успокоить когда вместо оценок он читывается в текст, «обвешанный ярлыками», когда вместо системы аргументов наталкивается на упреки. Говорю об этом с тоской по тем временам, когда критику хватало культуры отличать халтуру от труда и за труд не казнить, не судить, хотя и результаты самого труда могут и должны вызывать разные оценки, так как у всех разные вкусы. Бедный Женя, с этим приходится жить, даже тогда, когда не хочется мириться. Все страшное из нашей жизни уже проникло в театр. Смешно, что критик, который берется судить о спектакле П. Штайна, не отличает Е. Майорову от Л. Чурсиной, но это смешно может быть посторонним. представляю, каких слез это стоит артистам.

Не этим измеряется наша жизнь. Я, например, завидую тем, кто со Штайном делал спектакль, завидую Жене Миронову.

Трудные времена пройдут, скоро гастроль на Западе, там климат мягче. На Женю обращают внимание режиссеры «первой руки», такие, как Н. Михалков, П. Тодоровский, А. Кончаловский. Он уже работал и работает с ними. Он любит свою суматошную, занятую жизнь, а молодость... что молодость? Она тоже бывает разной, у Жени она завидная, дай только Бог ему сил и мужества, а успех еще будет!

Вадим МИХАЛЕВ.

● Кадр из фильма «Как живете, караси?».